

УДК 821.161.1.09:091.5+929 [Федин+Чуковский]

POST SCRIPTUM К ПОЛУВЕКОВОЙ ПЕРЕПИСКЕ (неизвестный автограф К. А. Федина)

И. Ю. Иванюшина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: iiyu@mail.ru

Впервые публикуется автограф К. А. Федина, завершающий полувековую историю его переписки с К. И. Чуковским. Заметки Федина об одной из последних встреч с Чуковским и реакция на известие о его смерти рассматриваются в контексте многолетних взаимоотношений писателей.

Ключевые слова: К. А. Федин, К. И. Чуковский, эпистолярный, Переделкино, литературный процесс.

Post Scriptum to the Half a Century Correspondence (an Unknown Autograph of K. A. Fedin)

I. Yu. Ivanyushina

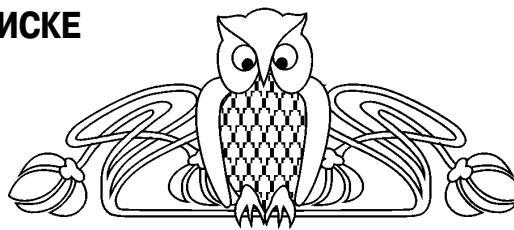
For the first time K. A. Fedin's autograph is published. It concludes the half-a-century history of K. Fedin and K. Chukovsky's correspondence. Fedin's notes on one of the last meetings with Chukovsky and his reaction to the news of Chukovsky's death are considered within the context of the writers' long-standing relationship.

Key words: K. A. Fedin, K. I. Chukovsky, epistolary, Peredelkino, literary process.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-332-337

В 2016 г. в Москве в издательстве ИМЛИ РАН вышел труд «Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века» (Кн. 1), завершивший первый этап большого исследовательского проекта, консолидировавшего усилия сотрудников Государственного музея К. А. Федина (Саратов), ученых Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, академических институтов ИМЛИ и ИРЛИ РАН и поддержанного грантами РГНФ (11-04-00036а, 15-04-16502д1). Это издание вводит в научный оборот материалы переписки К. Федина с Ф. Сологубом, А. Ахматовой, М. Кузьминым, В. Ходасевичем, Е. Замятиным, В. Шишковым, А. Воронским, Вс. Ивановым, М. Зощенко, Р. Гулем, В. Лидиным и К. Чуковским.

Во вступительной заметке «От редактора» член корреспондент РАН Н. В. Корниенко прозорливо замечает: «Настоящее издание стремится к полноте, но не претендует на нее: слишком много обнаруживается белых пятен в писательских биографиях и в наших знаниях о литературных событиях; <...> остаются не разработанными огромные своды фонда Союза писателей, центральных литературных журналов, Литературного фонда СССР»¹.

Возможности фондов Государственного музея К. А. Федина, ставших основной археографической базой изданной переписки, тоже далеко не исчерпаны и способны преподнести сюрпризы. Так, уже после выхода в свет первой книги эпистолярия работники музея обнаружили небольшую заметку К. А. Федина, сделанную на конверте одного из последних известных на сегодняшний день писем к нему К. И. Чуковского (разыскания И. В. Кабановой).

Конверт, на котором сделал свои записи К. Федин, относится к следующему письму К. Чуковского:

«26 февраля 1967.

Дорогой Константин Александрович.

Желаю вам раньше всего дожить до моего блаженного и светлого возраста и широко перешагнуть через него. Уверяю Вас на основании опыта, что это счастливейший возраст человеческой жизни. Вы знаете, что еще с серапионовых дней я привык любить Вас от души, простосердечно, без камня за пазухой и сохранил эту привычку доныне. Такой же традицией стало для меня (опять-таки с серапионовых дней) любить Ваш умный, многосильный талант: не дальше как на прошлой неделе я сообщил Вам об этом в слишком даже пространным письме по поводу Вашего шедевра о Горьком.

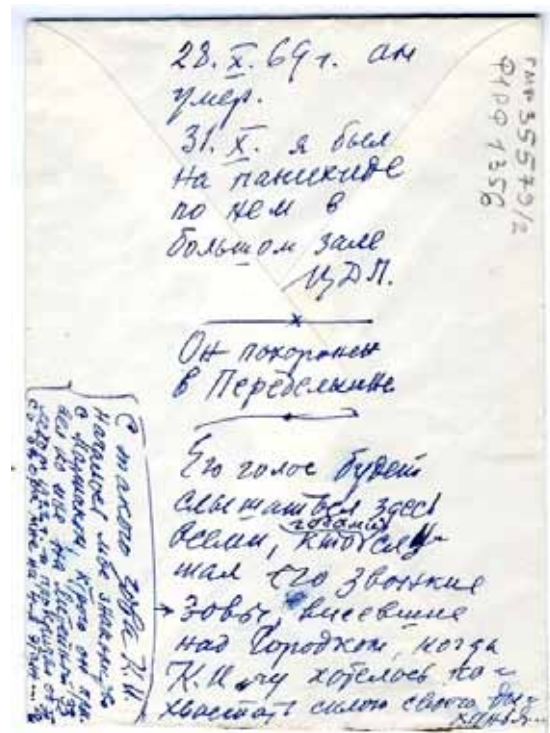
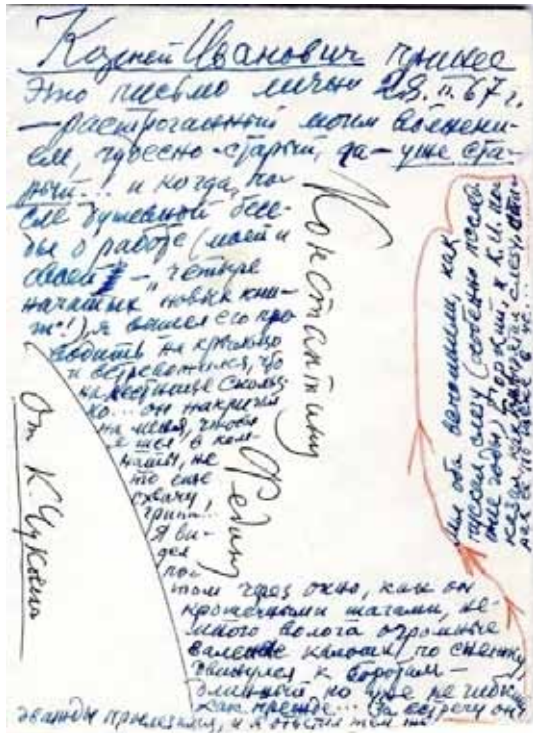
Обнимаю вас, милый Константин Александрович, поздравляю с высокой наградой, и шлю дружеский стариковский привет Вареньке, Нине и Косте.

Ваш

Корней Чуковский»².

85-летний Чуковский с опозданием в два дня, вызванным, очевидно, недомоганием, поздравляет Федина с 75-летием и присвоением ему звания Героя Социалистического Труда³. Дважды в своем коротком письме Чуковский упоминает о «серапионовых днях» их знакомства, т. е. о почти полувековых отношениях, этапы которых с разной степенью подробности отражены в опубликованной переписке писателей⁴.

Действительно, Чуковский и Федин познакомились ровно 47 лет назад, 26 февраля 1920 г. Начинающего писателя направил к именитому критику М. Горький. Отзыв Чуковского о рассказе Федина «Дядя Кисель» вдохновил автора. 2 марта 1920 г. он писал своей сестре А. Рассохиной: «Чу-

Заметки К. А. Федина на конверте письма К. И. Чуковского. ГМФ 35579/2

ковский отозвался обо мне как об “очень даровитом человеке” (это я узнал из “третьих рук”). А он <...> считается самым строгим русским критиком...»⁵. Очень скоро Федину пришлось в этом убедиться, когда другой его рассказ подвергся блистательному критическому разгрому в студии Дома искусств, о чем не без восхищения писатель рассказал через много лет в мемуарах «Горький среди нас»⁶.

Чуковский не лукавил, когда признавался в давней любви к «умному, многосильному таланту» Федина. Дневники «самого строгого русского критика» сохранили положительные оценки произведений Федина уже в самом начале его писательского пути: 9 октября 1922 г.: «Читал вчера <...> рассказ Федина о палаче – гораздо лучше, чем я думал»⁷; 21 декабря 1924 г.: «Очень хорош роман Федина; видно, что Федин будет серьезный писатель» (12, 178)⁸.

С этой начальной поры знакомства с Чуковским у Федина осталось стойкое ощущение, которое он сохранил на всю жизнь: «Странно, что я до сих пор чувствую себя с ним м л а д ш и м ...», – записал он 23 сентября 1955 г.⁹

В течение полувека пути Чуковского и Федина неоднократно пересекались. Они встречались в Доме Искусств, где Чуковский читал лекции, в возглавляемой Фединым редакцией журнала «Книга и революция», в горьковской «Всемирной литературе», в Издательстве писателей в Ленинграде, одним из основателей и руководителей которого стал Федин¹⁰. Когда в 1937–1938 гг. жизнь писателей в Ленинграде стала невыносимой, оба перебрались в Москву и стали соседями по Переделкину.

В 1940-е гг. Федин и Чуковский подверглись жесткой критике: один за вторую часть книги «Горький среди нас»¹¹, другой за сказки «Одолеем Бармалея»¹², «Бибигон»¹³. Как свидетельствует докладная записка от 31 октября 1944 г. наркома НКГБ СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о политических настроениях и высказываниях советских писателей, оба писателя в это время находились под пристальным надзором органов безопасности¹⁴.

В последующие годы Федин, занимавший все более высокие административные посты – председателя Литфонда (1937–1939), председателя правления Московского отделения Союза писателей (1955–1959), первого секретаря (1959–1971) и председателя (1971–1977) Правления Союза писателей СССР, ставший депутатом Верховного Совета (1951–1977), не раз оказывал поддержку и самому Корнею Ивановичу, систематически подвергавшемуся ожесточенной критике, и, по его просьбе, литераторам, попавшим в трудные жизненные ситуации. Вместе они пытались помочь М. Зощенко, а после его смерти вернуть имя и произведение писателя в историю литературы. Вместе решали вопрос о лечении заболевшего Б. Пастернака. Тяжелым испытанием для их отношений стала история с публикацией романа Пастернака «Доктор Живаго» и присуждением ему Нобелевской премии¹⁵. Возникали расхождения и в оценке других событий литературной жизни, например, попытки закрыть серию «Литературное наследство» после публикации книги «Новое о Маяковском» (1958)¹⁶.

Однако эти, порой весьма серьезные, разногласия не разрушили личных, всегда предельно уважительных и теплых отношений между писателями. Когда в 1961 г. на Чуковского в очередной раз обрушилась необоснованная партийная критика в связи с его работами о Некрасове, Федин был в числе подписавших письмо «в защиту доброго имени уважаемого писателя и ученого, которому так многим обязана наша советская литература и наука о литературе»¹⁷.

В последние годы жизни Чуковского его отношения с Фединым приобретают все более сердечный, семейный характер. Письма Чуковского неизменно завершаются приветами дочери и внукам Федина, к которым Корней Иванович испытывает неподдельную нежность.

Именно к этому периоду относятся две первые публикуемые заметки К. Федина, сделанные на конверте письма К. Чуковского от 26 февраля 1967 г. Первая из них имеет непосредственное отношение к полученному письму:

«Корней Иванович принес это письмо лично 28. II. 67 г. – растроганный моим волнением, чудесно-старый, да – уже старый... и когда, после душевной беседы о работе (моей и своей – “четыре начатых новых книги”!), я вышел его проводить на крыльцо и встревожился, что на лестнице скользко... он накричал на меня, чтобы я шел в комнату, не то еще схвачу грипп!.. Я видел потом через окно, как он крошечными шагами, немного волоча огромные валеные калоши по снежку, двинулся к воротам – длинный, но уже не гибкий как прежде... За встречу он дважды прослезился и я ответил тем же.

Мы оба вспоминали, как пускал слезу (особенно последние годы) Горький, и К. И. показал, как Горький прятал слезу, стирая ее по щеке в ус...»¹⁸

Кроме обычной для Федина пунктуальности и организованности, заставлявших его на протяжении всей жизни датировать полученную корреспонденцию, делать заметки о теме письма, обстоятельствах его получения, иногда – о выполнении содержащейся в нем просьбы, в публикуемой заметке нельзя не заметить необычной для сдержанного Федина, несколько даже сентиментальной теплоты в отношении к стареющему писателю, которого он привык видеть энергичным, задорным и даже язвительным.

Федин дал в своей заметке один из поздних портретов К. Чуковского. Многие современники до самых последних лет жизни писателя отмечали его удивительную молоджавость, бодрость, жизнередадность. Например, Маргарита Алигер оставила поразительно живой образ уже очень немолодого Чуковского: «Он стоял, прямой, стройный, седой, в светло-сером костюме, освещенный закатом, и это выглядело удивительно живописно.

– Господи, Корней Иванович, какой вы красивый! – невольно воскликнула я.

Двумя-тремя гигантскими прыжками преодолел несколько метров, отделяющие нас, Чу-

ковский схватил мою руку и начал целовать ее, приговаривая при этом:

– Говорите, говорите, всегда говорите мне такие слова!»¹⁹

И только в самый последний период жизни Чуковский стал понемногу сдавать, что с болью и теплотой отметила Наталья Ильина: «Он сдал, дорогой мой Корней Иванович, не было больше этого быстрого, молодого шага. Походка стала старческой, с шарканьем, и ростом он стал ниже. Этому давно бы пора случиться, но случилось это лишь теперь, на пороге девяностолетия... Быть может, услышав мои мысли, он сказал: „Ходить стал хуже. В больнице залежался. Ничего, расхожусь, пройдет!“ Бодрился. <...> И опять во мне дрогнула жалость»²⁰.

Очевидно, схожие чувства испытал и К. Федин, прощаясь с К. Чуковским на пороге переделкинской дачи: «За встречу он дважды прослезился и я ответил тем же». Это обстоятельство, а также сама ситуация встречи, связанной с юбилеем Федина, заставили обоих писателей вспомнить начальную пору их знакомства, А. М. Горького, которому они этим знакомством были обязаны.

Все, знавшие Горького лично, хорошо помнили эту его легендарную склонность к слезам. Еще в 1918 г. в дневниковой записи от 22 ноября Чуковский отметил: «Вчера я впервые видел на глазах у Горького его знаменитые слезы. Он стал рассказывать мне о предисловии к книгам “Всемирной Литературы” – вот сколько икон люди создали, и каких великих – черт возьми (и посмотрел вверх, будто на небо, – и глаза у него стали мокрыми, и он, разжигая в себе экстаз и умиление), – дураки, они и сами не знают, какие они превосходные...» (11, 233).

Запечатлел знаменитую горьковскую чувствительность и Федин в воспоминаниях «Горький среди нас»: «Он опять глядит так, будто впускает меня к себе в глаза, и я вдруг пугаюсь – не причудилось ли мне: синий его взгляд заволочил слезы. Это длится слишком долго, чтобы я мог ошибиться, и я чувствую, что он делает усилия, чтобы преодолеть растроганность...»²¹

Не удивительно, что свою взволнованность теплым дружеским разговором Чуковский и Федин прячут за шутивными общими воспоминаниями. Но для характеристики обоих писателей важно, что именно их растрогало: «душевная беседа о работе (моей и своей)». У Федина в адрес 85-летнего Чуковского вырывается восторженное: «четыре начатых новых книги!»

Действительно, Чуковский до конца жизни продолжал упорно работать. В последние годы он написал предисловие для тома стихотворений Б. Пастернака²², воспоминания о М. Зощенко²³, работал над предисловием к тому стихов А. Ахматовой, который пыталась издать Л. К. Чуковская (сборник запретили). В 1967 г. вышла книга К. Чуковского «О Чехове»²⁴, в 1969 – «Илья Репин»²⁵.

Дневник Чуковского содержит множество заметок такого рода: «Вожусь с комментариями к Некрасову в Библиотеке поэта» (13, 436)²⁶; «Кропаю Пантелеева» (13, 508)²⁷; «Корректуря. Работаю над 8-м томом Кони» (13, 541)²⁸.

Мучительно идет работа над собственным собранием сочинений. В пятый том, по признанию автора, вошли «очень скучные статьи, в которых нет меня. На всех отпечаток той скуки, к которой вынуждала нас эпоха культа» (13, 435). Шестой том Чуковский называл «раной, которая кровоточит день и ночь» (15, 632), поскольку из него по требованию цензуры изъяты принципиально важные статьи. В дневнике от 24 июля 1968 г. он записывает: «Пришла Софа Краснова. Заявила, что мои обзоры, предназначенные для VI тома, тоже изъяты. У меня сделался сердечный припадок. Убежал в лес. Руки, ноги дрожат. Чувствую себя стариком, которого топчут ногами» (13, 510). Когда за несколько дней до смерти Чуковский получит многострадальный шестой том, у него не будет ни сил, ни желания даже взглянуть на это «долгожданное исчадие цензурного произвола» (13, 543)²⁹.

С другими изданиями писателя дело обстоит не лучше. 23 мая 1968 г. он записывает в дневнике: «Итак, у меня в плане 1968 г. три книги, которые задержаны цензурой:

- «Чукоккала»
- «Вавилонская башня»
- «Высокое искусство».

Не слишком ли много для одного человека?» (13, 498).

Тяжелая судьба последних книг Чуковского обусловлена как общим недовольством гражданской позицией писателя, так и конкретными в каждом случае обстоятельствами.

В последние годы жизни Чуковский надеялся опубликовать свою легендарную «Чукоккалу», писал для нее статьи о Н. Гумилеве, О. Мандельштаме, Ф. Сологубе, с горечью отмечая в дневнике 12 апреля 1966 г.: «По нынешним временам Чукоккала – сплошная нелегалщина. Она воскрешает Евреинова, Сологуба, Гумилева, Анненкова, Вячеслава Иванова и других замечательных людей, которых начальство предпочитает замалчивать. Что делать?» (13, 429–430). Как известно, «Чукоккала» была издана только через десять лет после смерти автора³⁰.

Книга «Вавилонская башня и другие древние легенды», призванная познакомить детей с библейскими сюжетами, в 1968 г. была напечатана в издательстве «Детская литература», но весь тираж уничтожен. Книга увидела свет только в 1990 г.³¹

Исследование Чуковского о теории художественного перевода «Высокое искусство», впервые опубликованное в 1964 г., в мае 1968 г. готовилось к переизданию в «Советском писателе». Книга уже была сверстана. Она содержала несколько страниц о переводах на английский язык «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына. От автора потребовали эти страницы изъ-

ять. Он отказался: «Я сказал, что это требование хунвейбиновское, и не согласился <...> Книга моя вряд ли выйдет» (13, 498). После семимесячного сопротивления Чуковский сдался: «Сегодня, увы, я совершил постыдное предательство: вычеркнул из своей книги “Высокое искусство” – строки о Солженицыне <...> Мне предсказывали, что, сделав эту уступку цензурному террору, я почувствую большие мучения, но нет: я ничего не чувствую кроме тоски – обмозолился» (13, 520)³².

Перечисляя все «неудачи»³³ 1968 г., Чуковский констатирует: «Я оравнодушел, хотя больно к концу жизни видеть, что все мечты Белинских, Герценов, Чернышевских, Некрасовых, бесчисленных народовольцев, социал-демократов и т. д., и т. д. обмануты – и тот социальный рай, ради которого они готовы были умереть, – оказался разгулом беспартия и полицейщины» (13, 516).

Однако поразительная жизненная сила и творческая увлеченность не покидают писателя до последних месяцев жизни. В эти месяцы он работает над новой статьей о детективах «Триллеры и чиллеры» и циклом статей «Как я писал мои сказки»³⁴. За двадцать дней до смерти он записывает в дневнике: «Слабость ужасная. Пишу 3-й этюд о своих сказках. Тороплюсь, потому что знаю, что завтра голова моя будет слабей, чем сегодня» (13, 541).

28 октября 1969 г. К. Чуковского не стало. Он скончался в Кунцевской больнице под Москвой. 31 октября состоялись похороны писателя. Этим событиям посвящена вторая заметка К. Федина на конверте письма 1967 г.:

«28.X.69 г. он умер. 31.X. я был на панихиде по нем в большом зале ЦДЛ.

Он похоронен в Переделкине.

Его голос будет слышаться здесь всеми, кто годами слушал его звонкие зовы, висевшие над Городком, когда К. И-чу хотелось похвастать силою своего дыхания...

С такого зова К. И. началось мое знакомство с Маршаком, которого он привел ко мне на Литейный 33³⁵ летом 1922 г. и прокричал об этом со двора мне на 4-й этаж»³⁶.

Краткая заметка Федина о смерти К. Чуковского по-своему примечательна. Она по-федински сдержанна, лаконична, точна. Но сквозь все это прорывается неподдельное чувство. Кажется, Федин не может произнести: «Умер Корней Иванович Чуковский», поэтому пишет только: «Он умер», «Он похоронен». И вспоминает в этот момент не сказки, не статьи, не разногласия, а живой, сильный, высокий голос, «звонкие зовы», «силу дыхания», неизменную раскованность и непосредственность Чуковского, который был одинаково шумным и громогласным и в 1922 г., когда пришел знакомить молодого Маршака с Фединым, и в последние годы жизни, когда собирал на свои костры переделкинских детей.

Другая, и эмоционально, и содержательно, реакция на смерть и похороны К. Чуковского

запечатлена Ю. Г. Оксманом в самиздатовской статье «На похоронах Корнея Чуковского», датированной днем похорон – 31 октября 1969 г. Она начинается фразой, ставшей крылатой: «Умер последний человек, которого еще хоть сколько-нибудь стеснялись»³⁷.

«Репортаж» Ю. Оксмана с похорон К. Чуковского передает двойственное чувство от происходящего. С одной стороны, поражает атмосфера казенщины, царившая на гражданской панихиде: «Заикающийся Михалков произносит выпендренные слова, которые никак не вяжутся с его равнодушной, какой-то даже наплевательской интонацией. Потом начинается: От Союза писателей СССР..., От Союза писателей РСФСР..., От издательства “Детская литература”... <...> Отбарабанила свой урок Агния Барто. Кассиль исполнил сложный словесный пируэт <...> В толпе – десятки русских писателей, мастеров слова. А чиновники на трибуне бубнят свое, скудным и нищим языком многотиражки»³⁸. У автора заметки вырывается возмущенное: «Да кого же мы хороним, наконец? Чиновного бонзу или жизнерадостного и насмешливого умницу Корнея?»³⁹

Но с другой стороны, похороны старейшего русского писателя, о которых не сообщили в газетах, повышенное внимание к ним органов безопасности заставляют автора задаться вопросом: «Откуда этот страх перед покойниками?! Да ведь традиция. Уже 200 лет, без малого, так хоронят русских литераторов. Через поколение жандармов и литературных сексотов дошел сей подлый и трусливый ритуал и до нас, по цепочке, как говорится, от Бенкендорфа и Булгарина к Ильину и Михалкову»⁴⁰.

Прощание с К. Чуковским Ю. Оксман ставит в один ряд с похоронами Б. Пастернака, И. Эренбурга, К. Паустовского, А. Ахматовой: «У гроба большого писателя неизменно возникает электрическое поле общественного протеста <...> В такие часы <...> особенно невыносима официальная ложь»⁴¹.

Пафос заметки Ю. Оксмана обусловлен той гражданской позицией, которую занимал К. Чуковский в последние годы жизни: он помогал А. Солженицыну, вступался за И. Бродского и Ю. Любимова, писал статьи в защиту гонимых писателей. Его дневник полон упоминаний диссидентов П. Григоренко, П. Литвинова, Вяч. Иванова, Ю. Даниэля, Л. Богораз, А. Марченко, многим из которых он оказывал помощь.

Эта сторона деятельности К. Чуковского не могла быть близка К. Федину, но слова Ю. Оксмана о том, что Чуковский относится к тем людям, «само существование которых делало этот мир более человечным, более надежным и справедливым»⁴², думается, не вызвали бы у него возражений.

Публикуемые заметки К. Федина, на наш взгляд, служат достойным эпилогом полувекových отношений, связывавших двух таких разных писателей.

Примечания

- 1 Корниенко Н. От редактора // Константин Федин и его современники : Из литературного наследия XX века. Кн. 1. / сост. Н. В. Корниенко. М., 2016. С. 6.
- 2 Впервые опубликовано по автографу: ГМФ 35579 (См.: Константин Федин и его современники... Кн. 1. С. 641).
- 3 См.: Указ о присвоении звания Героя Социалистического Труда писателю Федину К. А. Москва, Кремль, 23 февраля 1967 г. // Лит. газ. 1967. 1 марта.
- 4 См.: Константин Федин и его современники... Кн. 1. С. 581–643.
- 5 Федин К. Собр. соч. : в 12 т. Т. 11. М., 1986. С. 20.
- 6 См.: Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., 1967. С. 50–51.
- 7 Имеется в виду «Рассказ об одном утре». Чуковский К. Собр. соч. : в 15 т. М., 2001–2009. Т. 12. С. 58. В дальнейшем дневники и письма К. Чуковского приводятся по данному изданию с указанием тома и страницы скобках.
- 8 Речь идет о романе «Города и годы».
- 9 Дневник Федина. Научно-вспомогательный фонд Государственного музея К. А. Федина (Саратов) 5610/23.
- 10 В этом издательстве у Чуковского вышли книги «От двух до пяти» (Л.: ИПЛ, 1933), «Люди и книги шестидесяти годов» (Л.: ИПЛ, 1934), под редакцией и с предисловием Чуковского вышла книга Е. Жуковской «Записки» (Л.: ИПЛ, 1930).
- 11 См.: Лукин Ю. Ложная мораль и искаженная перспектива // Правда. 1944. 24 июля ; Дмитриев Л. Вопреки истории // Литература и искусство. 1944. 5 авг.
- 12 См.: Юдин П. Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского // Правда. 1944. 1 марта.
- 13 См.: Крушинский С. Серьезные недостатки детских журналов // Правда. 1946. 29 авг.
- 14 См.: «По агентурным данным...». Информация наркома НКГБ СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о политических настроениях и высказываниях советских писателей // Родина. 1992. № 1. С. 92–93.
- 15 См. об этом: Иванюшина И. Переписка К. А. Федина и К. И. Чуковского // Константин Федин и его современники... Кн. 1. С. 575–580.
- 16 См. об этом: Чуковский К. Собр. соч. : в 15 т. Т. 13. М., 2007. С. 285–286.
- 17 Федин К., Асеев Н., Каверин В., Гудзий Н., Тимофеев Л., Бурсов Б., Оксман Ю., Степанов Н., Зильберштейн И. Недопустимые приемы. Письмо в редакцию // Лит. газ. 1961. 15 авг.
- 18 Печатается впервые, по автографу. Государственный музей К. А. Федина (Саратов). Основной фонд. 35579/2.
- 19 Алигер М. Долгие прогулки // Воспоминания о Корнее Чуковском / сост. К. И. Лозовская, З. С. Паперный, Е. Ц. Чуковская. М., 1977. С. 270.
- 20 Ильина Н. Таким я его и помню // Там же. С. 415.
- 21 Федин К. Горький среди нас... С. 15.
- 22 См.: Чуковский К. Борис Пастернак, 1890–1960 // Пастернак Б. Стихи. М., 1966. С. 5–26. (Б-ка сов. поэзии) ;

- То же // Русские поэты : антология : в 4 т. М., 1968. Т. 4. С. 239–247.
- ²³ См.: Чуковский К. Михаил Зощенко : Из воспоминаний // Москва. 1965. № 6. С. 190–208.
- ²⁴ См.: Чуковский К. О Чехове. М., 1967.
- ²⁵ См.: Чуковский К. Илья Репин. М., 1969.
- ²⁶ Речь идет об издании: Некрасов Н. Полн. собр. стихотворений : в 3 т. / общ. ред. и вступ. ст. К. Чуковского. 2-е изд. Л., 1967. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- ²⁷ Речь идет о статье: Чуковский К. Две удачи : [О творчестве Л. Пантелеева] // Лит. Россия. 1968. 30 авг. С. 18–19.
- ²⁸ К. Чуковский был одним из редакторов издания: Кони А. Собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. В. Базанова, Л. Смирнова, К. Чуковского. М., 1966–1969.
- ²⁹ В противовес изуродованному цензурой шестому тому писатель составит план дополнительного седьмого, куда включит запрещенные статьи. Многие из этих статей увидят свет только в 1990 г., когда выйдет двухтомник сочинений Чуковского: Чуковский К. Сочинения в двух томах / сост. и общ. ред. Е. Ц. Чуковской ; илл. Вл. Конашевича.) М., 1990. (Б-ка Огонек).
- ³⁰ См.: Чукоккала : Рукописный альманах Корнея Чуковского. [Факс. воспроизведение страниц / коммент. к рис. и автогр. и вступ. К. Чуковского ; предисл. И. Андроникова]. М., 1979.
- ³¹ См.: Чуковский К. Вавилонская башня и другие древние легенды / под общ. ред. [и с предисл.] К. Чуковского. М., 1990.
- ³² См. об этом: Иванюшина И. А. И. Солженицын в дневниках и письмах К. И. Чуковского // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 36–40.
- ³³ «Я в полной прострации. Боюсь, что в эту книгу мне придется записывать одни неудачи. Иметь на своем счету четыре неиздаваемых книги: “Уitmen”, “Чукоккала”, “Библия”, “Высокое искусство”, это слишком много для меня» (13, 498).
- ³⁴ Эта последняя работа К. Чуковского будет публиковаться под названием «Признания старого сказочника» сначала в отрывках в 1970-е гг., затем полностью в: Чуковский К. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 405–429.
- ³⁵ В 1922–1937 гг. К. Федин проживал в Ленинграде по адресу: Литейный проспект, 33, кв. 13 на четвертом этаже.
- ³⁶ Печатается впервые, по автографу. Государственный музей К. А. Фебина (Саратов). Основной фонд. 35579/2.
- ³⁷ Оксман Ю. На похоронах Корнея Чуковского // Ю. Г. Оксман – К. И. Чуковский. Переписка. 1949–1969 / предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. М., 2001. С. 141.
- ³⁸ Там же. С. 141–142.
- ³⁹ Там же. С. 142.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 143.
- ⁴² Там же. С. 144.

Образец для цитирования:

Иванюшина И. Ю. *Post scriptum* к полувекковой переписке (неизвестный автограф К. А. Фебина) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 332–337. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-332-337.

Cite this article as:

Ivanyushina I. Yu. *Post Scriptum* to the Half a Century Correspondence (an Unknown Autograph of K. A. Fedin). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 332–337 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-332-337.